

ОТЗЫВ

Официального оппонента

о диссертации на соискание ученой степени

кандидата филологических наук Шэнь Яна

на тему «Даниил Хармс и китайская культура»

по специальности - 10.01.01. – «русская литература»

Автор диссертационного исследования совершенно справедливо полагает возможным по-новому интерпретировать проблему соотношения поэтики и эстетической практики Даниила Хармса в контексте восточной культуры. Китайское измерение выбрано продуктивно, поскольку для Хармса и литераторов его круга, в частности обериутов, такой интерес к философским, визуальным основам культуры Китая был необходимой почвой, отчасти лабораторией, в которой проводились языковые эксперименты. Соискатель оправданно рассматривает творчество Хармса в сложной парадигме пересечения культурно-философских традиций, выявляя в поэтических структурах Хармса и его картине мира китайский «след». Важными методологическими основами исследования являются следующие: 1) опора на глубокий анализ истории изучения проблемы; 2) картографирование современных дискуссий, тематически близких исследованию; 3) привлечение широкой источниковедческой базы; 4) аргументированный компаративистский ракурс.

В полиаспектности и целенаправленном поиске сопряжения культурно-философских мыслительных традиций, описании нелинейности текстов Хармса, располагающихся в данном смысловом поле, заключается одна из сильных сторон работы.

Системность подходов отражена в структуре диссертации, иерархизации, четком и последовательном выстраивании материала. Четыре обстоятельные главы диссертационного исследования неспешно и продуманно решают магистральную задачу – дать комплексное описание и предложить самостоятельно разработанную классификацию интерпретации китайских элементов в творчестве Хармса и литераторов его круга. Диссертанту удалось наметить подходы к обсуждению эволюции китайского присутствия в текстах и художественных практиках, отражение в сочинениях, дневниках, беседах. Следует поддержать ключевой исследовательский принцип, положенный в основу диссертации, - компаративистскую группировку материала.

К еще одной сильной стороне диссертации относится тонкий и точный сравнительный анализ философского мышления Хармса и основных идей даосизма и буддизма, последовательно и глубоко проведенный Ян Шенем.

Центральная позиция в работе - сопоставление эстетических представлений Чжуан-цзы и Хармса – также выглядит очень убедительно.

Прав соискатель и в том, что представления европейских модернистов (в том числе чинарей и обэриутов) об «иероглифе» как основе нового художественного языка нуждаются сегодня в корректировке. Важно, что Ян Шеню впервые удалось выстроить комплексные наблюдения над недавними переводами Хармса на китайский язык и проанализировать стратегии поиска адекватных соответствий для «непереводимых» элементов.

Каждая глава посвящена отдельной проблеме, которая в совокупности обеспечивает научную полноту исследования.

В первой главе многоаспектно рассматривается рецепция китайской культуры в Западной Европе и России и описывается, пожалуй, слишком фрагментарно и реферативно история осмысления китайской культуры и политических отношений с Китаем.

Исследовательский центр работы находится в третьем параграфе первой главы, посвященной восприятию китайской культуры в кругу Хармса (ОБЭРИУ и чинари). И это ядро представляется очень крепким, поскольку диссертанту удалось всесторонне описать присутствие элементов китайской культуры в разных формах творчества, философского осмысления и даже некоторых форм бытового поведения Хармса и его круга.

Во второй главе анализируются детали даосизма и буддизма в хармсовской картине мира, при этом следует отметить удачную расстановку акцентов в понимании ключевого вопроса - понимании «реальности».

Пожалуй, одним из важнейших вкладов в исследование проблемы стоит расценивать концептуализацию понятия «иероглиф». Иероглифический феномен обсуждается в третьей главе в разных ракурсах и разных культурных традициях, что и оправдывает включение в единый ряд таких разных, а порой, и противоположных по своим художественным и эстетическим установкам авторов как Э. Паунд, П. Клодель, В. Хлебников. Во втором параграфе третьей главы «“Иероглиф” чинарей и китайский иероглиф» описываются собственные представления чинарей об «иероглифе», место этих представлений в философской системе чинарей, представляются разные способы воплощения «иероглифа» в поэтических текстах обэриутов, и плодотворно устанавливается соотношение «иероглифа» чинарей и китайского иероглифа.

Ну и наконец, четвертая глава диссертации — «Обэриуты в Китае (переводы и исследования)» - является своего рода смысловой кульминацией диссертации. В ней собран богатый материал, представлены и проанализированы стратегии перевода Хармса и Заболоцкого. С полной уверенностью можно заключить, что первичное введение в науку такого рода

переводных источников является существенным вкладом в академические исследования.

К некоторым недостаткам работы можно отнести отдельные фактические упущения.

Автор диссертационного исследования, как уже говорилось выше, совершенно справедливо считает, что у хармсовского «образа Китая» существуют глубокие русские и европейские корни, и предлагает «систематический обзор «китайских элементов» у Л. Толстого, В. Хлебникова, И. Бунина, А. Белого, Э. Паунда, П. Клоделя, Вл. Соловьева, М. Хайдеггера» (с.151). Думается, трудно объяснить отсутствие в этом ряду А.К.Толстого, его китайских сюжетов и стихотворений (например, «Сидит под балдахинном/Китаец Цу-Кин-Цын...» (1869). Между тем линию абсурдистско-пародийных трактовок «китайских» клише в русской поэтической и публицистической традиции, обусловленной журнальным оформлением этого пародийного языка, и особенно литературных опытов А.К.Толстого – К.Пруткина, для Хармса нельзя не учитывать.

Если перейти непосредственно к «времени Хармса», то не стоит игнорировать многократные обращения в СССР к китайской культуре, ее особую актуальность в первые послереволюционные годы. Русский авангард 1920-1930-х годов – отдельная капитальная тема. Может быть, было бы нелишним хотя бы обзорно ее наметить.

Двадцатые годы - время до тех пор небывалого интереса к Китаю. Тогда публиковались стихи о Китае В. Маяковского и рассказ Н. Тихонова о Сунь Ятсене, поэма Сакена Сейфуллина и китайские стихи И. Уткина, Н. Асеева, А. Жарова, Демьяна Бедного, очерки Сергея Третьякова, Зинаиды Рихтер, Оскара Эрдберга, Николая Костарева и др., книга Веры Юрленовой "Мои записки о китайском театре"; был поставлен первый советский балет "*Красный мак*" Р. Глиэра, появился один из первых наших мультипликационных фильмов "*Китай в огне*", документальные кинофильмы "*Великий перелет*", "*Шанхайский дневник*". СМИ почти ежедневно помещали карикатуры художников Моора, Дени, Б. Ефимова на врагов Китая; зрители московских и ленинградских театров бурными аплодисментами встречали подвиг китайца Син Би-у - героя пьесы "Бронепоезд 14 - 69". Сергей Третьяков, поэт, публицист, художник, написал пьесу "Рычи, Китай!" – это одно из первых драматургических произведений о Китае, созданных на фактическом материале; в основе его - прекрасное знание китайской действительности, которую автор наблюдал с "устойчивого наблюдательного поста". Художественно-документальны, очерково-«репортажны» почти все произведения Третьякова о Китае: "сводкой записей репортера" называл он свою книжку очерков "Чжунго"; под названием одной из лучших его книг - "Дэн Ши-хуа" - стоит лаконичное определение "биоинтервью"; из фактов, точнее из ряда аналогичных фактов возникла пьеса-статья "Рычи, Китай!".

С. Третьяков читал тогда свои лекции в Пекинском университете (как раз в то время, когда там работал Лу Синь). Лу Синь в статье, опубликованной на

страницах журнала "Пэнлюй", писал о том, как были переведены на китайский язык в 1926 году поэма Блока "Двенадцать" и сборник статей "Литературная дискуссия в Советской России".

Китай и Советская Россия в хармсовскую эпоху очень тесно взаимодействуют, происходит реальный культурный обмен. Так, например, знаменитые гастрели в СССР в 1935 году замечательного китайского актера Мей Ланьфана широко обсуждались в прессе и в советском культурном мире.

Но все эти наши суждения носят добавочный и факультативный характер. Они нисколько не снижают общее высокое впечатление о работе.

Следует отметить, что диссертация Ян Шень полностью соответствует требованиям, установленным в Московском государственном университете им. М.В.Ломоносова. Все сказанное свидетельствует о серьезном профессиональном уровне работы и ее результативности, что позволяет сделать следующий вывод. Содержание диссертации соответствует паспорту специальности 10.01.01 - русская литература (по филологическим наукам), а также критериям, определенным пп. 2.1.-2.5 Положения о присуждении ученых степеней в Московском государственном университете им.М.В.Ломоносова; она оформлена, согласно приложениям № 5,6 Положения о диссертационном совете Московского государственного университета им.М.В.Ломоносова.

Таким образом, соискатель Шень Ян заслуживает присуждения ему ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.01.01 - русская литература.

Официальный оппонент:

Доктор филологических наук, профессор Департамента общей и прикладной филологии Факультета гуманитарных наук Национального исследовательского университета Высшая школа экономики,
Пенская Елена Наумовна,

27 августа 2019 г

10.01.01. – русская литература

101000, Мясницкая 20, Национальный исследовательский университет

Высшая школа экономики

hse@hse.ru

